

ЕКОЛОГІЧНЕ, ЗЕМЕЛЬНЕ ТА АГРАРНЕ ПРАВО

С. В. Гринько*

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Исследование понятия основания возникновения земельного правоотношения в контексте теории права не лишено на сегодняшний день актуальности поскольку многое в понимании данного основания всё ещё базируется на общепринятых подходах, выработанных, в основном, в советский период. Отмечают что большинство научных разработок, в которых поднимается проблематика юридических фактов, приходится на 1955-1984 года¹.

Проблемами основания возникновения правоотношения занимались многие исследователи: С. С. Алексеев, А. П. Дудин, В. Б. Исаков, С. Ф. Кечекьян, О. А. Красавчиков, В. И. Леушин, А. А. Матюхин, Н. И. Матузов, П. Е. Недбайло, Л. И. Петражицкий, А. Ф. Черданцев, Р. О. Халфина, Л. С. Явич и др.²

В этой связи важным научным заданием можно считать современный анализ правовых явлений, задействованных в механизме возникновения правоотношения (в т.ч. земельного) и формирующих его основание, вне довлеющей идеологии и догм советской правовой науки, но с учётом всего рационального, присущего ей же.

Поскольку основание возникновения земельного правоотношения неразрывно, генетически связано с понятием основания возникновения правоотношения как такового, имеет смысл перед характеристикой земельно-правовых особенностей данного явления задуматься над его общим определением.

Основание понимают как источник, опорную часть, главное, на чём строится что-нибудь, что является сущностью чего-нибудь³.

По определению В. И. Андрейцева основания возникновения права природопользования — это юридически значимые обстоятельства, с которыми *связывается* (курсив наш — С. Г.) возникновение полномочий пользователей природных ресурсов⁴. В рамках оснований возникновения правоотношений различают юридические факты и юридические составы⁵. Последние в большинстве случаев рассматриваются как основания возникновения земельных отношений⁶.

© Гринько С. В., 2009

* кандидат юридических наук

¹ Завальний А. Юридичні факти: історичні та сучасні аспекти розуміння // Право України. — 2006. — № 1. — С. 115.

² Подробнее см.: Там же. — С. 113-116.

³ Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. — М.: Кирилл и Мефодий, 2006 (электронная версия).

⁴ Андрейцев В. И. Экологічне право: Курс лекцій: Навч. посібник. — К.: Вентури, 1996. — С. 72.

⁵ Там же.

⁶ Например, бесплатная передача земельных участков гражданам Украины с земель государственной и коммунальной собственности, приватизация земельных участков, которые были ранее предоставлены им в пользование, выделение в натуре (на местности) принадлежащей им доли (пая), наряду с другими процедурами, рассматриваются как основания обретения гражданами Украины права собственности на земельные участки (Балюк Г. І. Екологічне право України: Конспект лекцій у схемах (Загальна і Особлива частини): Навч. посібник. — К.: Юрінком Інтер, 2006. — С. 91).

Отмечают, что под юридическими фактами в науке и на практике понимаются конкретные социальные обстоятельства (события, действия), вызывающие *в соответствии с нормами права* (курсив наш — С. Г.) наступление определённых правовых последствий — возникновение, изменение или прекращение правовых отношений⁷.

Считают, что юридические факты, с точки зрения их объективного характера, ничем не отличаются от всех иных фактов реальной действительности, существующей вне нас и независимо от нашего сознания и обладают лишь одной отличительной особенностью, которая состоит в том, что *закон связывает* (курсив наш — С. Г.) с ними правовые последствия⁸.

В приведённых и в ряде других определений невозможно не заметить, что главным для того, чтобы социальный факт смог вызвать правовое последствие является причинно-следственная связь между фактом и правовым последствием, содержащаяся в норме права. Очевидно также и то, что данная связь является неким *внешним* правовым явлением по отношению к юридическому факту и правовому последствию. При этом юридическая литература не изобилует современным анализом этой причинной зависимости, акцентируя основное внимание на характеристике самих социальных фактов объективной действительности, идеальных моделей юридических фактов, правовых последствий, считая именно юридические факты (юридические составы) основаниями возникновения, изменения или прекращения правоотношений. То есть первостепенное в правовой природе оснований возникновения правоотношений остаётся практически за рамками традиционных подходов как к анализу юридических фактов так и к определению понятия оснований возникновения правоотношений (их просто отождествляют с юридическими фактами, составами), что, таким образом, формирует задание и цели исследования данной статьи.

Более того, в юридической литературе советского периода содержится ряд противоречивых высказываний относительно самой способности юридических фактов быть причиной правовых последствий:

Существует мнение, что: «... непосредственной причиной возникновения и прекращения правоотношений всё же являются юридические факты. Нет никаких оснований отрицать наличие в данном случае причинной связи ...»⁹.

Практически то же самое высказывает А. П. Дудин: «Они» (юридические факты — С. Г.) «признаются непосредственной причиной, вызывающей начало регулирования отдельными нормами права отдельных фактических общественных отношений или прекращающей такое регулирование»¹⁰.

В. Б. Исаков полагает, что «юридический факт не есть причина правовых последствий»¹¹ и поддерживает позицию, выработанную в советской юридической науке, согласно которой «связь факта и правовых последствий не является и не может являться причиной»¹².

Не видя необходимости в пересмотре этой позиции, В. Б. Исаков, на оставшийся таким образом «открытым вопрос, чем же является связь факта и правовых последствий, что она собой представляет?»¹³ отвечает: «связь факта и правовых последствий отличается рядом специфических признаков: она субъективна по своему происхождению, поскольку основывается на норме права, а иногда и на правоприменительном акте; гарантируется системой юридических средств; по своему содержанию носит упорядочивающий, регулирующий характер; в конечном счете обусловлена общественным и государственным строем, объективными закономерностями и тенденциями общественного развития. Связь факта и правовых последствий, таким образом, представляет собой особый вид социальной зависимости, сознательно созданной людьми и защищенной правом. Нормативное закрепление и гарантирование системой юридических средств делают ее относительно

⁷ Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве. Учебное пособие. — М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 1998. — С. 3.

⁸ Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение // Советское гражданское право в 2 т. — М.: Высшая школа, 1968. — Т. 1. — С. 92.

⁹ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 165.

¹⁰ Дудин А. П. Диалектика правоотношения / Под ред. В. О. Тененбаума. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. — С. 99.

¹¹ Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 17.

¹² Там же. — С. 16.

¹³ Там же.

стабильной, с необходимостью реализующейся при определенных условиях. Это внешне сближает связь факта и правовых последствий с объективными причинными связями, позволяет провести между ними параллель. С известной долей условности можно сказать, что перед нами — разновидность «социальной причинности», сознательно введенная в жизнь общества для упорядочения его существования»¹⁴.

Мы поддерживаем подход, согласно которому *объективной* (в смысле вне нас и нашего сознания) причинно-следственной связи между юридическим фактом как социальным фактом объективной действительности и правовым последствием не существует. Однако не можем согласиться с тем, что связь между юридическим фактом и правовым последствием вообще не является и не может являться причинно-следственной. По нашему мнению, могут существовать *субъективные причинно-следственные связи*, искусственно созданные и привнесенные человеком из его сознания в нематериальную сферу (например, сферу права).

Более того, стремительное развитие компьютерных технологий позволяет утверждать, что привнесение такого рода причинных зависимостей из человеческого сознания в сферу работы машин — очевидная реальность, факт, на сегодняшний день, не требующий особого доказывания. Поэтому мы не согласны с категоричностью позиции Н. Т. Сударикова, поддержанной В. Б. Исаковым, согласно которой «причинная связь между явлениями не может быть привнесена из нашего сознания в объективный мир»¹⁵. Как будет показано ниже, причинно-следственная связь между юридическим фактом и правовым последствием и не требует какого либо изменения в *объективных* причинно-следственных связях функционирования материального мира.

Если советская наука и поднимала вопросы: каковы причины появления юридических фактов, какими предпосылками он обусловлен?¹⁶; «почему юридические факты всегда и необходимо влекут... последствия — возникновение, изменение или прекращение отдельных правоотношений?; ... почему посредством юридических фактов нормы права *непосредственно* ((?) курсив наш — С. Г.) соприкасаются с конкретными фактами действительности? ... почему юридическое связано с неюридическим, правовое с неправовым?»¹⁷, то вопрос: *как* правовое связано с неправовым остался по нашему мнению без удачного ответа, который бы вобрал в себя всё рациональное из высказанных ранее позиций. А ведь именно этот ответ, как представляется, позволяет дать более полное представление о явлениях, касающихся всех перечисленных «почему».

Ряд рациональных и опередивших своё время идей¹⁸ были «решительно отвергнуты» правовой наукой советского периода. Положение, согласно которому связь юридического факта и правового последствия не является связью причины и следствия в сфере права можно было бы считать реакцией на «буржуазную правовую мысль» ... которая ... «оказалась не в состоянии выпутаться из противоречий объективного и субъективного, объяснить с идеалистических позиций связь юридического факта и правовых последствий»¹⁹, если бы не существовали современные отголоски этих идей²⁰.

¹⁴ Там же. — С. 16-17.

¹⁵ Там же. — С. 15.

¹⁶ Последними считают юридические факторы (Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 17-19).

¹⁷ Дудин А. П. Диалектика правоотношения / Под ред. В. О. Тененбаума. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. — С. 99-101.

¹⁸ Обобщение этих взглядов см. в работах В. Б. Исакова (Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 6, 14-15; Исаков В. Б. Глава XVII. Юридические факты // Проблемы теории государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. — М.: Юрид. лит., 1987. — С. 290). В последнем из упомянутых источников автор пишет: «Немецкие юристы-догматики считали связь факта и правовых последствий особым видом причинности. Их оппоненты решающее значение в наступлении правовых последствий отводили правовому порядку. Юридический факт, по их мнению, выступает в роли условия, внешнего толчка. С точки зрения представителей психологического направления в теории права, правовые последствия — переход собственности, появление или отпадение субъективных прав — есть изменение не в объективном мире, а в сознании людей. Действие юридических фактов заключается в обмене такими представлениями».

¹⁹ Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 15.

²⁰ А. Ф. Черданцев считает «что связь между юридическим фактом и наступившими юридическими последствиями не носит характера причинно-следственной связи (связи причины и следствия), это связь синтетическая, основанная на велении, приказе нормы права. Исчезает норма — прерывается связь между фактами и юридическими последствиями» (Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2000. — С. 302). В более поздней работе автор применил более удачный термин для характеристики причинно-следственной связи: «Что же касается связи элементов нормы права, то со всей определенностью следует отметить, что эти связи не носят логического характера: из гипотезы логически не вытекает диспозиция, а из диспозиции санкция» (Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: Учебное пособие. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — С. 54).

Итак, способность юридических фактов (прежде всего как разновидности социальных фактов объективной действительности) быть причиной правовых последствий — это свойство, привнесённое извне при помощи вышеупомянутой причинно-следственной связи. То есть очевидным является то, что объяснение этой способности следует искать не столько в природе самого юридического факта²¹, сколько в характеристике причинно-следственной связи, выраженной в норме права как в явно внешнем явлении по отношению к самому факту.

Другими словами юридический факт (как социальный факт действительности) всего лишь соприкасается с причинно-следственной связью, имеет выход на неё, но при этом последняя не является его частью, не охватывается самим юридическим фактом. Причинно-следственная связь между юридическим фактом (как причиной) и правовым последствием скорее является элементарной структурной частью основания возникновения правоотношения. Понятно, что это уже намёк на возможный пересмотр устоявшегося определения основания возникновения (изменения, прекращения) правоотношения. Получается, что основание возникновения правоотношения — понятие по своему объёму более широкое по сравнению с понятием юридического факта²².

В свою очередь, причинно-следственная связь между юридическим фактом и правовым последствием и само правовое последствие — аналогичным образом взаимосвязанные явления, которые не являются тождественными правовыми категориями. Для правового последствия, которое соприкасается с причинно-следственной связью, последняя тоже является неким внешним правовым явлением, не охватываемым понятием правового последствия.

Следовательно, любой юридический факт как причина возникновения правовых последствий (в частности, правоотношений) охватывается основанием их возникновения, но не всё в основании возникновения правовых последствий (правоотношений) является причиной их возникновения.

После утверждения о том, что юридические факты (как определённая разновидность социальных фактов), правовые последствия, а также причинно-следственная связь между ними и правовыми последствиями — соприкасающиеся но самостоятельные правовые категории, логично задаться вопросом: могут ли тогда существовать отражённые в нормах права социальные факты (факты объективной действительности), которые не вызывают правовых последствий?

Понятно, что ответ на этот вопрос является утвердительным когда речь идёт о каких-либо конкретных искомых правовых последствиях. Например, когда юрист говорит «это не имеет правового значения» — в подавляющем большинстве случаев имеется ввиду конкретный контекст правового последствия, о котором идёт речь. То есть, один и тот же социальный факт касательно одних *конкретных* правовых последствий имеет юридическое значение — вызывает их возникновение (например, факт самовольного захвата земельного участка вызывает возникновение правоотношений юридической ответственности), а касательно других правовых последствий не является причиной их возникновения (факт самовольного захвата земельного участка не вызывает возникновение правоотношений собственности, правоотношений платы за землю и т.д.) и *в этом контексте* не имеет юридического значения.

Или, например, в соответствии с ч. 2 ст. 11 Уголовного кодекса Украины от 5 апреля 2001 г., который применим и в земельно-правовой сфере, «не является преступлением действие или бездействие, которая хотя формально и содержит признаки какого-либо деяния, предусмотренного этим кодексом, но из-за малозначности не представляет общественной опасности, то есть не причинила и не могла причинить существенного вреда физическому или юридическому лицу, обществу или государству». То есть юридический факт совершения такого деяния (в том числе в упомянутой сфере) не вызывает правовых последствий в виде уголовной ответственности, но может являться фактом, который влечёт административную или гражданскую ответственность.

²¹ Такая попытка была предпринята А. П. Дудиным (Дудин А. П. Диалектика правоотношения / Под ред. В. О. Тененбаума. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. — С. 106.

²² В современных исследованиях основаниями возникновения, изменения и прекращения земельно-процессуальных правоотношений в сфере регистрации прав на земельные участки называют соответствующие земельно-процессуальные нормы, земельно-процессуальную правосубъектность и юридические факты (Ковальский Д. В. Земельно-процессуальные правоотношения. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. — Х., 2006. — С. 12).

Таким образом, конкретный социальный факт, отражённый в праве, в контексте одних земельных правоотношений является юридическим, а в контексте других — им не является, благодаря, условно говоря, «векторности» причинно-следственных связей между юридическими причинами и правовыми последствиями (см. рис. 1).

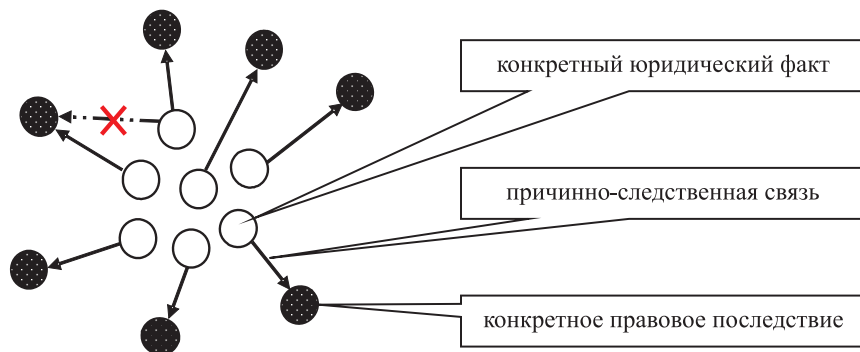

Рис. 1.

Более интересным является вопрос: могут ли существовать отражённые в нормах права социальные факты (факты объективной действительности), которые не вызывают вообще никаких последствий в контексте права?

Наличие в праве норм, в которых были бы отражены факты объективной действительности, не вызывающие каких-либо правовых последствий, по большому счёту, противоречит сущности права как регулятора общественных отношений. Может быть по этому сразу ответить на этот вопрос конкретным примером не так просто. Появление правовых норм в которых такие факты были бы заложены можно было бы смело отнести к ошибкам законодательной техники и в этом смысле, по нашему мнению, было бы опрометчиво отвергать саму возможность существования таких ошибок. Мысль о том, что «бессодержательные с социальной точки зрения события и действия не могут иметь и юридические значения»²³ только подтверждает это.

В контексте возникновения правоотношения и характеристики связей, задействованных при этом, стоит упомянуть о понятии модели юридического факта, а также напомнить о существовании в том или ином виде²⁴ понятия *модели* правового последствия.

В теории правоотношения употребляют выражения: «модель поведения», «модель правоотношения», «модель, закреплённая в правоотношении», «модель правоотношения, возникающего как последствие», «адекватная модель формы общественного отношения», которую создаёт правовая норма²⁵. Не все из них всегда применяются для обозначения одинаковых явлений. Например, под моделью поведения и моделью правоотношения Р. О. Халфина в одних случаях понимает правовую форму *реального* (разрядка наша — С. Г.) общественного отношения²⁶, а в других — модели поведения, правоотношения закреплённые, содержащиеся в норме права²⁷.

Поэтому для целей данного исследования, уточнив подход, согласно которому модель юридического факта — это «предусмотренность фактических обстоятельств нормами права в качестве оснований правовых последствий»²⁸, можно определить модель юридического факта как *предусмотренное в норме права обстоятельство (факт) объективной*

²³ Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве. Учебное пособие. — М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 1998. — С. 3.

²⁴ Например в работе «Общее учение о правоотношении» Р. О. Халфиной при анализе реального общественного отношения в единстве его формы и содержания в качестве отправного пункта принималось содержание конкретного отношения, в соответствии с которым группируются нормы, определяющие правовую форму данного отношения — его модель (выделено нами — С. Г.) (Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. — М.: Юрид. лит., 1974. — С. 7).

²⁵ Там же. — С. 7, 34, 37, 39, 47, 59, 64, 66, 67, 74, 208, 209, 261, 266, 274, 302 и др.

²⁶ Там же. — С. 7, 208.

²⁷ Там же. — С. 34, 39, 47, 48, 59, 64, 66, 67, 68, 74, 209, 211, 257, 258, 261, 274 и др.

²⁸ Дудин А. П. Диалектика правоотношения / Под ред. В. О. Тененбаума. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. — С. 105.

*действительности, состоящее в причинно-следственной связи с конкретной моделью правового последствия*²⁹.

По аналогии, модель социального (неюридического) факта или модель неюридического факта объективной действительности — это предусмотренное в норме права обстоятельство (факт) объективной действительности, не состоящее в причинно-следственной связи с искомой конкретной или любой моделью правового последствия.

Модель правового последствия — это предусмотренное в норме права социальное обстоятельство (факт) объективной действительности, состоящее в причинно-следственной связи с конкретной моделью юридического факта.

В юридической литературе подходят к рассмотрению юридических фактов как к явлению материально-идеальному³⁰. Причём в качестве идеальной составляющей юридического факта принято рассматривать нормативную модель юридического факта и именно её позиционировать как идеальное отражение объективированного (т.е. выраженного вовне, воплощённого в объективной действительности, материального) социального факта³¹.

По нашему мнению, это не совсем правильно. Дело в том, что идеальная модель юридического факта имеет свою форму объективации, не совпадающую с формой объективации самого социального факта. Идеальная модель юридического (заметим «юридического»), а не просто любого социального) факта является объективированной в той или иной норме права, выраженной вовне, материализованной в *нормативно-правовом акте* (по крайней мере в условиях писанного права). Думается, что все кто считает, что право и законодательство соотносятся как содержание и форма, могут поддержать позицию, согласно которой идеальная модель юридического факта объективируется в упомянутой выше форме.

То есть эквивалентом идеальной модели юридического факта является материальная (объективированная) модель юридического факта, а не сам факт объективной действительности. Таким образом, модель юридического факта тоже понятие материально-идеальное. В связи с этим очевидным представляется то, что социальный факт объективной действительности, даже если он отвечает требованиям модели юридического факта, и сама модель юридического факта — самостоятельные материально-идеальные категории.

Поэтому мы не можем поддержать точку зрения авторов, включающих в понятие юридического факта модель юридического факта.

Отрадно, что даже если воспринять, по нашему мнению, не вполне удачный подход, согласно которому общим понятием юридического факта охватываются такие разные категории как модель юридического факта и объективированный социальный факт, соответствующий данной модели, всё равно можно прийти к однозначному выводу о не тождественности понятий основания возникновения правового отношения и юридического факта как причины его возникновения (см. рис. 2).

Из приведённой схемы видно, что идеальная модель юридического факта почему-то не находит *своей* объективации в сфере материального. То же самое можно сказать и о модели правового последствия как о категории материально-идеальной, материальная составляющая которой не должна отождествляться с объективированным правовым последствием по аналогии с известным подходом к объяснению материально-идеальной природы юридических фактов.

Что же является идеальным эквивалентом, отражением объективированного социального факта если таковым не является его модель? Какое явление находится в сфере субъективного, идеального, по ту сторону объективированного правового последствия, если им не является модель правового последствия?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы необходимо ещё раз обратить внимание на категорию объективации с тем, чтобы выделить категорию обратную ей.

²⁹ Природа этой причинно-следственной связи будет рассмотрена ниже в рамках данной статьи.

³⁰ Юридические факты — ... это явления объективной реальности, отражённые в специфической идеальной системе — законодательстве. ... Важно ... чтобы материально-идеальный характер юридических фактов, тесное единство материального содержания и юридического выражения не ускользали из поля зрения учёного, практического работника (Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература. — 1984. — С. 11-12). С позицией, согласно которой понятие юридического факта включает в себя два основных момента: материальный (события и действия) и юридический (предусмотренность этих фактических обстоятельств нормами права в качестве оснований правовых последствий) соглашается и А. П. Дудин (Дудин А. П. Диалектика правоотношения / Под ред. В. О. Тененбаума. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. — С. 105).

³¹ Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 12.

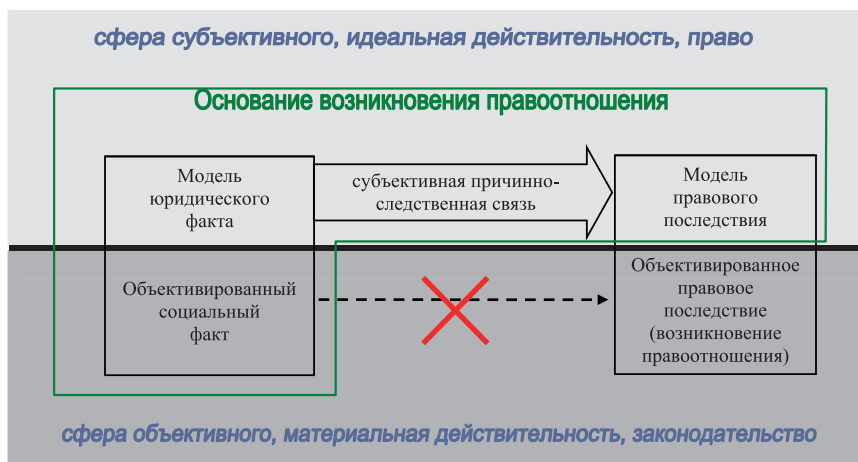

Рис. 2

Объективация того или иного явления представляет собой воплощение в чем-нибудь объективном, доступном восприятию³². Соответственно, объективированный — воплощённый в чём-нибудь объективном, например, объективированный социальный факт³³. Или, например, объективированная модель юридического факта — модель юридического факта, выраженная в правовой норме (нормах) того или иного нормативно-правового акта.

Поскольку даже лексикографическая литература не содержит отдельного общего понятия для обозначения процесса обратного объективации, предлагаем назвать его *субъективацией*. Таким образом, субъективация — процесс воплощения в чем-либо субъективном (например, в сознании человека), а субъективированный означает не воплощённый в чём-либо объективном, не выраженный вовне (т.е. воплощённый в субъективном). Например, субъективированный социальный факт — социальный факт, отражённый в сознании, воспринятый личностью как факт объективной действительности. В. И. Ленин писал: «... вне нас существуют вещи. Наши восприятия и представления — образы их. Проверка этих образов, отделение истинных от ложных дается практикой»³⁴. Можно сказать что субъективированный социальный факт — это образ социального факта объективной действительности (т.е. объективированного социального факта).

Полагают, что в процессе правового регулирования, *как и в процессе познания* (курсив наш — С. Г.), происходит «удвоение мира». Создается своеобразный «юридический мир» в виде идеальных объектов (нормы права, права и обязанности, индивидуальные решения, соглашения, юридические факты как знания и т. д.), облеченных в языковых высказываниях в форму юридических документов. В этом «юридическом мире» своеобразно отражается мир реальной действительности³⁵.

Наряду с восприятием фактов объективной действительности, частным случаем субъективации можно считать также и обязательный элемент толкования норм права — восприятие и уяснение содержания правовых норм³⁶. А. Ф. Черданцев пишет, что «под

³² Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. — М.: Кирилл и Мефодий, 2006 (электронная версия).

³³ Объективированность (выраженность определённым образом вовне) обстоятельство — один из основных признаков юридических фактов, которые выделяют в юридической литературе наряду с конкретностью, индивидуальностью, способностью нести информацию о состоянии общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, способностью вызывать предусмотренные законом правовые последствия, наличием или отсутствием определённых явлений материального мира // Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве. Учебное пособие. — М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 1998. — С. 3-4.

³⁴ Цит. по: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. — М.: Госюриздат, 1958. — С. 11.

³⁵ Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник. — М.: Юрайт, 2000. — С. 360.

³⁶ Толкование права — это интеллектуально-волевая деятельность по установлению подлинного содержания правовых актов в целях их реализации и совершенствования. Толкование ... включает в себя два самостоятельных компонента: уяснение и разъяснение. **Уяснение** — процесс понимания, осознания содержания норм «для себя» (выделено нами — С. Г.). **Разъяснение** же — объяснение, доведение усвоенного содержания для других. В юридической литературе высказывались различные точки зрения по поводу указанных элементов. Одни ученые рассматривали толкование только как уяснение, другие же сводили его исключительно к разъяснению. ...Более глубокий анализ позволяет характеризовать толкование права как специфическую деятельность, как ...момент существования и развития права, необходимое условие правового регулирования (курсив наш — С. Г.). [Шабуров А. С. Глава 24. Толкование права // Теория государства и права: Учебник / Под ред. С. С. Алексеева. — М., 2000. — С. 370].

интерпретацией вообще и интерпретацией правовых актов в частности понимается также *результат* познавательной деятельности ... Результат толкования правовых актов ... представляет собой совокупность значений (смыслов), которые придаются предложениям правового текста и его отдельным словам и терминам»³⁷. Таким образом, норма права как явление идеального мира предстаёт перед субъектами права исключительно посредством упомянутого обязательного компонента толкования.

Категории объективированного и субъективированного помогают более наглядно представить как и какие идеальные и материальные составляющие явлений, задействованных в механизме возникновения правовых последствий коррелируют между собой в сферах субъективного и объективного (а также между этими сферами) в процессе возникновения правового последствия в виде правоотношения (см. рис. 3).

Ясно одно — объективированный в материальном мире социальный факт имеет в идеальной сфере права свой эквивалент не в виде идеальной модели юридического факта, а в виде субъективированного социального факта.

В литературе упоминают о юридических фактах как об обстоятельствах предусмотренных нормами права прямо или косвенно³⁸. Полагаем, что в контексте оснований возникновения правоотношений было бы рационально различать не только явные или презюмируемые модели юридических фактов, но и аналогичным способом выраженные модели правовых последствий, а также причинно-следственную связь между ними, закреплённую в нормах права.

В большинстве случаев эта связь (как, например, в случае возникновения правоотношений специального землепользования) является непосредственно предусмотренной в норме права. Например, в соответствии со ст. 125 Земельного кодекса Украины от 25 октября 2001 года «право собственности и право постоянного пользования на земельный участок возникает после получения его собственником или пользователем документа, который удостоверяет право собственности или право постоянного пользования земельным участком, и его государственной регистрации».

Существуют и презюмируемые в нормах права причинно-следственные связи между моделями юридических фактов и моделями правовых последствий. Выделение таких связей может помочь разобраться в проблеме определения оснований возникновения отношений, урегулированных нормами права, даже если последнее рассматривать вне позитивистских и нормативистских позиций.

Касательно позитивного права, например, в норме ч. 2 ст. 38 Закона Украины «Об охране окружающей природной среды» от 25 июня 1991 года предусмотрено, что «законодательством Украины гражданам гарантируется право общего использования природных ресурсов для удовлетворения жизненно необходимых потребностей (эстетичных, оздоровительных, рекреационных, материальных и т. п.) бесплатно, без закрепления этих ресурсов за отдельными лицами и предоставления соответствующих разрешений, за исключением ограничений, предусмотренных законодательством Украины».

Другими словами, в упомянутой норме косвенно закреплён образец причинно-следственной связи между моделью юридического факта в виде действия, направленного на непосредственное пользование земельными участками, и моделью правового последствия в виде возникновения статуса уполномоченного субъекта — землепользователя (имеется в виду общее землепользование), а также в виде возникновения у неопределённого круга лиц статуса обязанных субъектов не препятствовать, способствовать реализации данного права (за исключением ограничений, предусмотренных законодательством Украины).

В приведённом примере презюмируется не только модель юридического факта, но и причинно-следственная связь *на основе которой* социальный факт, который будет

³⁷ Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: Учебное пособие. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — С. 57.

³⁸ «Рассматриваемые факты называются юридическими, поскольку предусмотрены в нормах права: прямо — в гипотезе, косвенно — в диспозиции, санкции. Как только в жизни появляются факты, указанные в гипотезе нормы, последняя начинает действовать, т. е. лица — адресаты нормы — приобретают права и обязанности, названные в ее диспозиции. Действия лиц, совершаемые в соответствии с предписаниями диспозиции юридической нормы, являются юридическими фактами, реализующими права и обязанности. Следовательно, фиксируя права и обязанности, диспозиция косвенно указывает на юридические факты» (Леушин В. И. Глава 23. Правовые отношения // Теория государства и права: Учебник / Под ред. С. С. Алексеева. — М., 2000. — С. 364. См. также: Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве: Учебное пособие. — М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 1998. — С. 4.

соответствовать требованиям модели юридического факта, будет считаться причиной необходимого правового следствия.

Аналогичное презюмирование можно установить и в отношении природного права человека на землю, реализуемого, например, в порядке общего землепользования. В литературе справедливо полагают, что природное происхождение Земли предопределяет естественное право каждого проживающего на планете человека на извлечение из неё полезных свойств и качеств, т. е. на пользование её богатствами по месту проживания или осуществления хозяйственной деятельности³⁹. Отметим, что, по нашему мнению, даже если бы в законодательстве не существовало института права общего землепользования, а также отсутствовало бы право общего землепользования в нормах обычного права, то наличия природного права на землю в рамках общепринятой природно-правовой концепции, идеи (а точнее — наличия в естественно-правовой норме таких элементов как явные или презюмируемые: модель юридического факта, модель юридического последствия, причинно-следственная связь между ними), наряду с другими обязательными условиями, характеристика которых будет рассмотрена ниже, было бы достаточно для того, чтобы социальный факт, соответствующий требованиям этой модели, вызвал правовые последствия. То же самое можно сказать и о природном праве специального землепользования⁴⁰.

В рамках описываемого механизма (см. рис. 3) можно выделить 2 вида причинно-следственных связей между причиной и следствием:

1. Причинно-следственная связь между моделью юридического факта и моделью правового последствия, т.е. причинно-следственная связь в праве (сфере возможного).

2. Причинно-следственная связь между юридическим фактом и правовым последствием как причинно-следственная связь в правосознании (сфере действительного).

Попробуем охарактеризовать данные связи и на основе выделенных признаков дать определения этих двух понятий.

1. Феномен связи в философском понимании состоит во взаимообусловленности существования явлений разделенных в пространстве и во времени. Сущность причинности — порождение причиной следствия⁴¹. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой определяет связь как отношение взаимной зависимости, обусловленности, общности между чем-нибудь⁴². Таким образом, причинно-следственная связь между моделью юридического факта и моделью правового последствия может быть определена как взаимообусловленность (взаимная зависимость) существования отдельных явлений в праве.

— Причинно-следственная связь между моделью юридического факта и моделью правового последствия является юридической (по источнику может быть нормативно-правовой, обычно-правовой или природно-правовой).

— Данная связь полностью (и в части возникновения и в части содержания) субъективна относительно своего создателя — она является производной от его деятельности, опосредованной сознанием и волей лиц наделенных государственной властью (когда речь идёт о причинной связи, закреплённой в норме права), либо общественным сознанием и авторитетом лиц признающих конкретный правовой обычай или природное право (когда данная связь закреплена в обычно-правовой норме⁴³ или норме естественного права),

Подчёркнём, что субъективность и субъективированность причинно-следственной связи — явления не тождественные. Данная связь, как и всякое материально-идеальное

³⁹ Шульга М. В. Актуальные правовые проблемы земельных отношений в современных условиях. — Х.: Консум, 1998. — С. 10.

⁴⁰ Например, в юридической литературе существует природно-правовой подход к определению права частной собственности на землю (разновидности права специального землепользования): «... право частной собственности на землю можно определить как **признанное законом право** (выделено нами — С. Г.), которое закрепляет принадлежность конкретного земельного участка как элемента экосистемы лицу (собственнику) и определяет его права и обязанности по поводу этого участка» // Там же. — С. 95.

⁴¹ Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. — М.: Кирилл и Мефодий, 2006 (электронная версия).

⁴² Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. — М.: Кирилл и Мефодий, 2006 (электронная версия).

⁴³ Справедливо мнение, что в роли внешних средств влияния выступает общественное мнение, которое является принудительной силой по обеспечению норм обычаев в случае их нарушения // Толкачова Н. Е. Звичаєве право: Навчальний посібник. — 2-е вид., перероб. і доп. — К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2006. — С. 74, 75.

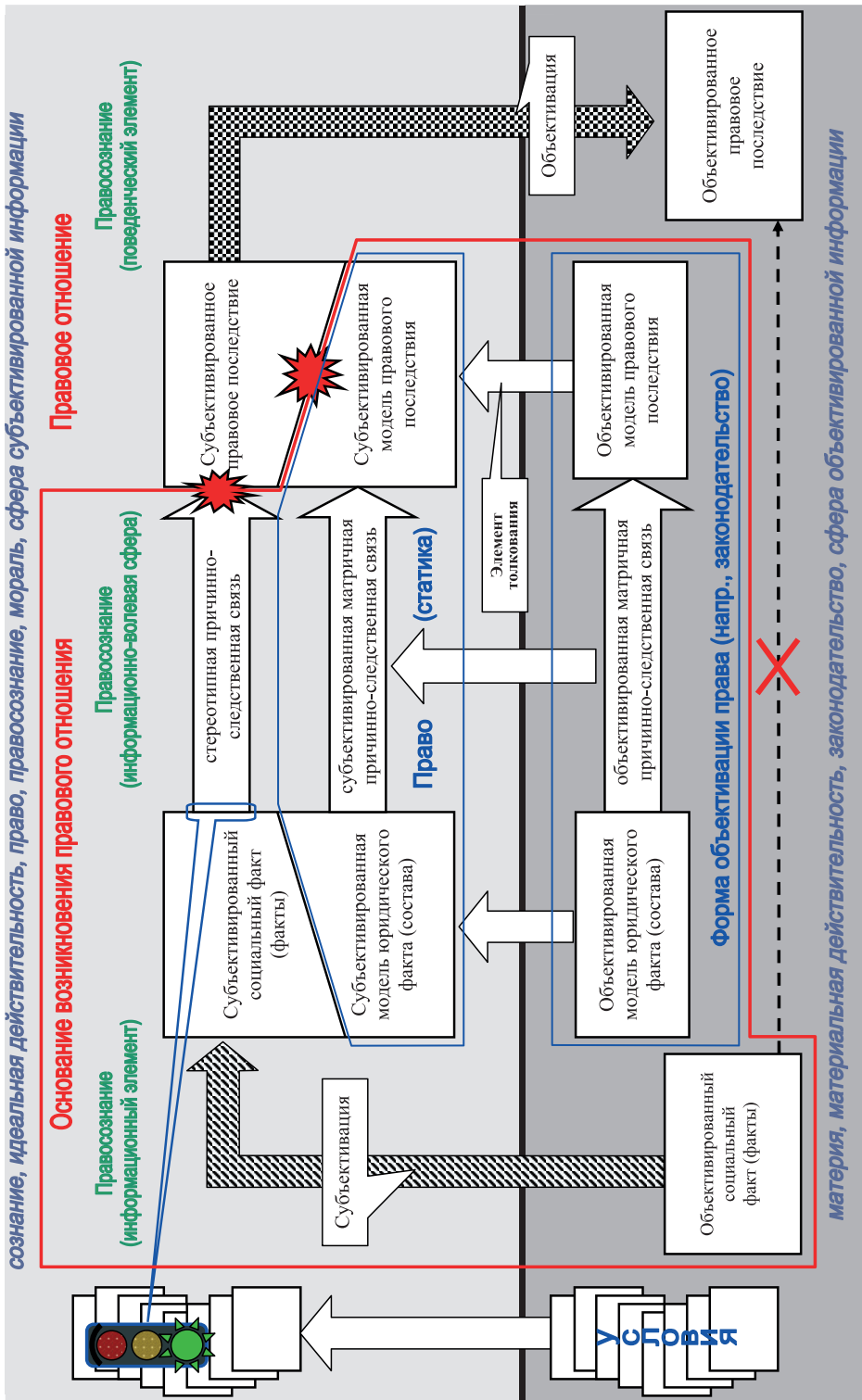

Рис. 3.

явление может быть субъективированной (воспринятой и понятой, правильно истолкованной индивидуумом, лицом) и объективированной, то есть выраженной вовне в рамках нормы права или доступной для восприятия нормы обычая. Даже когда речь идёт о природном праве ничего кроме специфических форм объективации этой причинно-следственной связи (в тех или иных озвученных или другим способом выраженных вовне природно-правовых идеях, концепциях и т. д.⁴⁴) не меняется. Важно отметить, что объективацию причинно-следственной связи в праве также не следует путать с объективностью причинно-следственных связей существующих в физическом материальном мире. Напомним, что описанная причинно-следственная связь всегда полностью субъективна по своему содержанию и возникновению), даже если она объективирована должным образом.

— Причинно-следственная взаимообусловленность между моделью юридического факта и моделью правового последствия представляет собой прямую связь и не является косвенной.

— По характеру результата данная взаимообусловленность является связью порождения, а не связью преобразования.

— Связь между моделью юридического факта и моделью правового последствия является синтетической по своей природе так как создана, при помощи синтеза и возведена государством или обществом в ранг необходимой правовой закономерности.

— Причинно-следственную связь между моделью юридического факта и моделью правового последствия можно назвать *матричной* потому, что неограниченное число субъектов на основе этой связи (а точнее, как видно из приведённой выше схемы — на основе её идеальной субъективированной составляющей), как на основе некоего внешнего, но воспринятого образца, матрицы, будет осознанно посредством собственной воли формировать в собственном правосознании стереотипную прямую субъективную причинно-следственную связь между уже конкретной правовой причиной и конкретным правовым последствием.

Следовательно, причинно-следственная связь между моделью юридического факта и моделью правового последствия (матричная причинно-следственная связь) — *субъективная по возникновению и содержанию, прямая юридическая взаимообусловленность существования явлений в праве (зависимость), при которой модель правового последствия является порождением модели правовой причины (модели юридического факта), возведённая государством или обществом в ранг необходимой правовой закономерности.*

2. Причинно-следственная связь между юридическим фактом и правовым последствием тоже является разновидностью взаимообусловленности — причинно-следственной зависимостью.

— Вышеупомянутая зависимость является синтетической по своей природе (то есть является созданной индивидуумом в своём собственном сознании при помощи соответствующего метода — синтеза — исследования таких правовых явлений как: юридические причина и следствие (юридический факт и правовое последствие), модели юридической причины и следствия, матричная причинно-следственная связь в их единстве и взаимной связи элементов⁴⁵).

— Данная причинно-следственная связь названа нами *стереотипной* потому, что формируется субъектом в виде, в котором полностью соответствует матричной причинно-следственной связи, как по некоему шаблону, стереотипу.

— Стереотипная причинно-следственная связь, так же как и матричная, по возможности возникновения, является субъективной (производной от деятельности самого субъекта). Она тоже опосредована сознанием и волей, но в отличие от матричной связи — не волей лиц наделённых государственной властью (или волей иного субъекта, создавшего

⁴⁴ Аналогичную форму объективации может находить также и правовой обычай: «Глубоким исследованием природы и роли обычая, а также и правового обычая, является работа С. Л. Зивса «Источники права» (Зивс С. Л. Источники права — М., 1981. — С. 159), в которой автор доказывает, что правовой обычай может существовать в теоретических и исторических конструкциях» (Там же. — С. 70).

⁴⁵ Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. — М.: Кирилл и Мефодий, 2006 (электронная версия).

матричную связь), а того лица, которое её синтезирует между уже действительной правовой причиной и действительным правовым следствием на основе субъективированной матричной причинно-следственной связи, отражённой в норме права.

Здесь существует ещё одно важное отличие — степень опосредованности: матричная причинно-следственная связь, является полностью опосредованной волей её создателя, а стереотипная — лишь частично опосредованной. Можно утверждать, что матричная связь в праве всегда зависит от воли своего создателя, автора⁴⁶ и в части её создания (возникновения, конструирования) и в части её содержания.

Что же касается стереотипной причинно-следственной связи, то, по нашему мнению, она опосредована волей её создателя в части возникновения, но не в части содержания (то есть лишь частично зависит от воли её создателя) в том смысле, что человек способен по собственной воле сконструировать у себя в сознании эту связь по существующему образцу, познать её, но не способен произвольно силой собственного желания как-либо её изменить, ведь она стереотипна. Будь это не так, данная связь не имела бы никакого отношения к возникающему отношению как к *правоотношению* и, возможно, вообще к *праву* в сознании того индивида, у которого она возникла.

Учитывая невозможность изменения содержания стереотипной причинно-следственной связи тем адресатом, для которого она была создана, можно утверждать, что относительно упомянутого субъекта⁴⁷ данная связь *по своему содержанию* будет объективной (не зависящей от его воли, не производной от его деятельности), а *по возможности возникновения, создания, конструирования* — субъективной.

Соответственно мы не можем согласиться с существующим подходом, поддержанным В. Б. Исаковым, согласно которого «связь причины и следствия — объективно существующая причинная зависимость. Человек способен познать эту связь, вскрыть её закономерный характер... Но он не способен *skonструировать причинно-следственную зависимость по собственной воле*»⁴⁸ (курсив наш — С. Г.).

Современное определение воли звучит как способность к выбору деятельности и внутренним усилиям, необходимым для ее осуществления⁴⁹. Немного ранее полагали, что «участие воли ... состоит не в том, что мы познаем только то, чего нам хочется, а в том, что мы хотим познавать те или другие существенные стороны действительных предметов»⁵⁰. По нашему мнению, человек делает вывод о том, что те или иные правовые последствия наступили на основе образца причинно-следственной связи, заложенного в норме права. А именно — образца связи между моделью (как возможностью) правовой причины и моделью (как возможностью) правового последствия благодаря внутренним усилиям, направленным на создание, конструирование стереотипной связи уже между действительной правовой причиной и действительным правовым следствием. То есть деятельность связанная с самим возникновением стереотипной причинно-следственной связи безусловно имеет волевой характер, пусть даже и доведённый в мышлении юриста до некоего подобия автоматизма. Ведь человек желает эту связь установить (уяснить) и устанавливает, даже если его не совсем устраивает правовое последствие, состоящее в причинно-следственной связи с причиной, его порождающей. А вот что касается уже содержания причинно-следственной связи либо правового последствия, то от воли *уяснившего* их человека они не зависят.

Если учесть ещё и упомянутое уяснение (обязательный компонент толкования как разновидность субъективации), то можно уточнить, что стереотипная причинно-следственная связь в сфере права является по своему содержанию *субъективированной объективной*⁵¹ связью между юридическим фактом и правовым последствием.

⁴⁶ Даже если он не является конкретным в традиционном понимании этого слова — как в случае с обычным правом или с общепризнанной природно-правовой концепцией, которая носит конкретно-исторический характер.

⁴⁷ Включая и того субъекта, который создавал матричную причинно-следственную связь как образец для стереотипной.

⁴⁸ Исаков В. Б. Глава XVII. Юридические факты // Проблемы теории государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. — С. 290.

⁴⁹ Столяров А. А. Воля // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. — М.: Кирилл и Мефодий, 2006 (электронная версия).

⁵⁰ Соловьев Вл. Воля: Статьи из «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» 1890 — 1907 // Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. — М.: Кирилл и Мефодий, 2006 (электронная версия).

⁵¹ А. Ф. Черданцев пишет, что «понятие объективного и субъективного в разных контекстах ... приобретает различное значение и поддерживает мысль С. С. Алексеева, согласно которой право в плоскости его соотношения с базисом является надстроечным, субъективным фактором. Но оно объективно ... по отношению к индивидуальному сознанию, а также к науке и иным формам общественного сознания» (Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: Учебное пособие. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — С. 86).

— Эта связь является юридической (правовой). Если данная причинно-следственная связь возникает в сознании того или иного субъекта как стереотипная, то эта связь всегда будет правовой, поскольку образовывается в правосознании как соответствующая связи, предусмотренной правом (т. е. матричной связи).

— Причинно-следственная взаимозависимость между юридическим фактом и правовым последствием возникает и существует в правосознании. В каком же именно из выделяемых⁵² элементов правосознания возникает эта связь? В информационном, оценочном, волевом (поведенческом)? Существует мнение, что в реальной жизни правосознание проявляется как нечто целое, не структурированное и что выделение структурных элементов в правосознании способствует лишь пониманию его роли и места в жизни человека и общества⁵³.

Тем не менее, следует отметить, что характер соотношения явлений, задействованных в проиллюстрированном выше механизме возникновения правоотношения, с различными элементами правосознания не одинаков. Если просто восприятие факта объективной действительности предполагает сферу информационного элемента правосознания, а объективация правового последствия вовне через определённое поведение — сферу волевого элемента правосознания, то уяснение (обязательная составляющая толкования правовых норм), как деятельность по определению интеллектуально-волевая, должна быть вовлечена одновременно и в сферу информационного и волевого элементов.

В этой же информационно-волевой сфере правосознания возникает и причинно-следственная связь (стереотипная) между субъективированным социальным фактом, соответствующим требованиям модели юридического факта, и правовым последствием, соответствующим модели правового последствия.

Если в рамках этого компонента данная связь возникла, то выйти за рамки соответствия правовой норме (в т. ч. обычно-правовой или естественно-правовой), по нашему мнению, она не может по своему качеству, содержанию. Важно обратить внимание, что в обозначенном смешанном информационно-волевом компоненте правосознания волевым является только акт создания, возникновения этой связи. Как отмечалось, изменить содержание стереотипной связи человек не может. Не установив эту связь как стереотипную, человек попросту не сможет понять какое конкретное правовое последствие возникло с точки зрения права либо допустит в нём ошибку.

Определив же это конкретное правовое последствие, как соответствующее предписаниям правовой нормы и наступившее, адекватный субъект будет иметь полную (и с волевой и с аксиологической точки зрения) возможность либо придержаться, либо отклониться от правового поведения лишь на стадии объективации этого правового последствия вовне (т.е. в сфере поведенческого компонента правосознания уже «без примеси» информационного в том контексте, в котором его упоминают в общей юридической литературе).

— Причинно-следственная связь между юридическим фактом и правовым последствием является прямой связью (не является косвенной связью).

— Стереотипная причинно-следственная связь, так же как и матричная, по характеру результата является связью порождения, а не связью преобразования.

Напомним, что праву как статике принято противопоставлять правоотношение как динамику. Не ставя под сомнение истинность и методологическую ценность данного противопоставления, считаем необходимым обратить внимание на то, что такие процессы как субъективация социального факта, его анализ на предмет соответствия субъективированной модели юридического факта, волевая интеллектуальная деятельность связанная с построением (синтезом) стереотипной причинно-следственной связи между юридическим фактом и правовым последствием, подбор и анализ возможных вариантов действительного правового последствия на предмет соответствия субъективированной модели правового последствия проистекают в те кратчайшие мгновения, когда правовое последствие (а значит и правоотношение) ещё не возникло (см. рис. 3). Если разобраться

⁵² Правосознание ... складывается из знания права, правовой идеологии, оценок, правовой психологии и поведенческого элемента (установок) // Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2000. — С. 330.

⁵³ Русинов Р. К., Семитко А. П. Глава 22. Правосознание и правовая культура // Теория государства и права: Учебник / Под ред. С. С. Алексеева. — М., 2000. — С. 337.

в этих долях секунд, то возникновение правоотношения происходит во время синтеза действительного конкретного правового последствия уже после анализа возможных вариантов правовых последствий на предмет указанного соответствия с учётом стереотипной причинно-следственной связи.

Другими словами, эти процессы протекают как интегрированные в динамичную сферу правосознания, не охватываемую правоотношением и заканчиваются синтезом правового последствия, которое пребывает уже в сфере динамики *правоотношения*, традиционно противопоставляемой статичному праву.

— Причинно-следственная зависимость между юридическим фактом и правовым последствием является эвентуальной (возможной при определённых обстоятельствах). Такими необходимыми обстоятельствами можно считать субъективированные: модель юридического факта, модель правового последствия и матричную причинно-следственную связь, а также ряд других обстоятельств (условий), на которых мы остановимся чуть ниже.

Подытоживая, можно определить: **причинно-следственная связь между юридическим фактом и правовым последствием (стереотипная причинно-следственная связь) — это синтетическая эвентуальная объективная по содержанию и субъективная по возникновению прямая юридическая взаимообусловленность (зависимость) существования явлений в правосознании, при которой правовое последствие является порождением правовой причины (юридического факта), полностью соответствующая матричной причинно-следственной связи.**

Из всего вышеизложенного можно понять, что причиной возникновения правовых последствий является юридический факт.

Причиной же по которой социальный факт становится в правосознании субъекта юридическим является установленное соответствие субъективированного социального факта субъективированной модели юридического факта (см. рис. 3).

Основу для данного вывода заложили исследования С. Ф. Кечекьяна, П. Е. Недбайла, А. А. Матюхина, В. Б. Исакова. «... Для того чтобы... факты приобрели юридическое значение, — писал С. Ф. Кечекьян, — чтобы они обусловили возникновение или прекращение правоотношений, необходимо распространение на них действия юридической нормы. А это возможно при том обязательном условии, что наличные фактические обстоятельства окажутся в полном соответствии с гипотезой юридической нормы»⁵⁴. В. Б. Исаков, соглашаясь с позицией П. Е. Недбайло, согласно которой «в практике применения правовых норм установление фактической гипотезы (фактического состава) сливается с установлением гипотезы нормы и, наоборот, анализ гипотезы правовой нормы, установленной законодателем, сливается с анализом фактического состава»⁵⁵, посылаясь на А. А. Матюхина⁵⁶ отмечал, что «вместе с тем между гипотезой и моделью факта не следует ставить знак равенства. ... Не совпадают они и по объёму: модель сложного юридического факта (фактического состава) может быть закреплена в гипотезах нескольких юридических норм»⁵⁷.

Следовательно, если быть более точным, то не норма права как таковая делает социальный факт объективной действительности юридическим⁵⁸ (ведь норма права — это всего лишь статичное правило поведения), а личность, воспринявшая норму права, обладающая сознанием и волей, а также способная применять методы сравнительного анализа и синтеза. То есть способная проанализировать воспринятый социальный факт

⁵⁴ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 160.

⁵⁵ Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. — М., 1960 — С. 246.

⁵⁶ Матюхин А. А. Нормативные условия осуществления норм советского права // Вестник МГУ. Серия Право. — 1982. — № 6. — С. 67.

⁵⁷ Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература. — 1984. — С. 7.

⁵⁸ Этот подход ряда авторов был подвергнут критике А. П. Дудиным, как представляется, на основе догм советской марксистско-ленинской идеологии. Вместо этого упомянутым автором был предложен, по нашему мнению, гораздо более спорный тезис, согласно которому сами фактические отношения имеют правовое содержание, «...регулируемые общественные отношения есть причина, а нормы права, закона — её следствие или действие». Отсюда автор видит за социальными фактами некое имманентное свойство быть юридическими: «Норма права может выражать в определённой форме юридическое качество тех или иных социальных фактов (что она и делает), но не может придавать его, наделять сами факты этим качеством, потому что это качество присуще самим предметам или явлениям» (Дудин А. П. Диалектика правоотношения / Под ред. В. О. Тененбаума. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. — С. 86, 106.

на предмет его соответствия модели юридического факта и, установив это соответствие, осознать этот социальный факт как юридический, то есть как причину возникновения правового последствия.

Вышесказанное, а также проиллюстрированный выше механизм возникновения правового последствия (правового отношения) (см. рис. 3) позволяет дать определение юридического факта и правового последствия:

Юридический факт — это социальное обстоятельство (социальный факт) объективной действительности, идеальный эквивалент которого полностью соответствует идеальному эквиваленту объективированной модели юридического факта и состоит в стереотипной причинно-следственной связи с конкретным правовым последствием.

Правовое последствие — это социальное обстоятельство (социальный факт) объективной действительности, идеальный эквивалент которого формируется при помощи стереотипной причинно-следственной связи с конкретным юридическим фактом на основе идеального эквивалента объективированной модели правового последствия и полностью соответствует ему.

Поскольку могут возникать ситуации, в которых правовые последствия уже наступили, но ещё (в силу каких-либо причин) не выражены вовне (не объективированы)⁵⁹, в таких случаях всегда можно определить *правовое последствие как социальное обстоятельство (социальный факт), идеальная составляющая которого формируется при помощи стереотипной причинно-следственной связи с конкретной правовой причиной на основе идеального эквивалента объективированной модели правового последствия и полностью соответствует ему.*

Для того, чтобы дать определение основания возникновения правоотношения, для начала, руководствуясь общепринятым значением термина «основание», необходимо установить *источник, опорную часть, главное*, на чём зиждется возникновение правоотношения. Юридический факт — как было показано выше — лишь один и далеко не единственный из таких элементов. Это — фактическая составляющая основания возникновения правоотношения, являющаяся причиной правового последствия.

Не вызывает сомнения также и то, что норма права, которая содержит прямо или косвенно предусмотренную (явную или презюмируемую): модель юридического факта, модель юридического последствия, матричную причинно-следственную связь между ними, является нормативно-правовым элементом, без которого невозможно возникновение правоотношения.

Наличие правовых норм — это информационный компонент, который немислим без определённой формы своей объективации, то есть мероприятий информационно-организационного характера. В литературе их выделяют под понятием информационного обеспечения как необходимого условия⁶⁰ правового регулирования.

В частности, А. Ф. Черданцев, описывая информационный механизм действия права, отметил, что «коль скоро правовое регулирование — это генерация (создание), движение, рецепция (восприятие), осмысление и переработка правовой информации, то для правового регулирования необходимым условием является его информационное обеспечение. Прежде всего субъекты, к которым обращены нормы права (адресаты, рецепторы), должны знать их, обладать информацией о них. Это достигается путем опубликования нормативных актов в официальных изданиях»⁶¹. Упомянутый автор напоминает, что в праве действует презумпция знания законов которая должна быть обеспечена их опубликованием⁶².

⁵⁹ Критика А. П. Дудиным позиций С. С. Алексеева и Р. О. Халфиной, считающих что возможны моменты существования лишь правовой связи с последующим возникновением реальных отношений (см.: Там же. — С. 71-75), на наш взгляд, базируется на преувеличении роли бытия во влиянии на сознание и неоправданном умалении влияния сознания на бытие. Пример «чисто» правовой связи между лицами в налоговых отношениях, когда «ещё нет никакого фактического (материального) содержания», приведённый С. С. Алексеевым (см.: Алексеев С. С. Проблемы теории права. — Свердловск, 1972. — Т. 1. — С. 261), по нашему мнению, является удачным и более того — вполне применимым к земельно-правовой сфере (например к отношениям платы за земельные участки).

⁶⁰ Соотношение условий и элементов основания возникновения правоотношения будет рассмотрено ниже в этой статье.

⁶¹ Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник. — М.: Юрайт, 2000. — С. 353.

⁶² Там же. — С. 254.

«Чисто субъективные образы, представления, мысли, не нашедшие выражения вовне, недоступны для познания других субъектов. ...Формой, придающей мыслям законодателя объективную реальность, делает их чувственно воспринимаемыми, служит язык, который является семиотической или знаковой системой. Чтобы обозначать что-либо, знак должен быть чувственно воспринимаемым, т.е. быть материальным: *материальность есть обязательная черта знака*»⁶³.

Аналогичным образом объективируются обычно-правовые и естественно-правовые нормы.

В большинстве случаев объективация обычно-правовых норм носит вербальный характер. Поддержки заслуживает также мнение, согласно которому это не единственная форма объективации обычно-правовых норм. В частности, Н. Е. Толкачёва пишет: «... очень распространённой является попытка различить закон и обычай как писанное и неписанное право. Следует возразить, что закон может существовать в словесной форме (указы московских царей), а обычай может быть записанный и даже приведённый в определённую систему. Так или иначе в силу указанного обстоятельства не изменится характер того или иного явления. ... «Русская правда» ... тоже является ... рядом сборников, который состоит из норм обычного права и княжеских уставов»⁶⁴.

При этом упомянутый автор в структуру правового обычая включает также наочно-эмоциональные средства его сопровождения и обеспечения⁶⁵, с чем уже трудно согласиться. Возможно это результат признания автором того, что обычай с трудом отделяется от самого поведения: «В основе обычаев лежат примеры конкретного поведения, практической деятельности, а поэтому они трудно отделяются от самого поведения и деятельности»⁶⁶.

По всей видимости, речь идёт о случаях когда формой объективации обычно-правовой нормы является не язык, а само поведение (хотя мы подозреваем что представление, например, об украинском правовом обычае как о правиле поведения вообще никак не выраженном в языке, или же как о поведении вовсе не сопровождаённом определённой языковой формой объективации правила этого поведения может дасть с ещё большим трудом). Но даже в таком «немом» случае субъективированное правило поведения и само поведение выраженное вовне — не одно и то же. Просто поведение в этом случае будет выполнять функцию упомянутого выше информационного обеспечения ибо тогда именно из этого поведения субъект права будет черпать информацию о модели юридического факта (состава), модели правового последствия и о причинно-следственной связи между ними.

«Поведенческий пример, — продолжает автор, — как таковой ещё не является правилом поведения, поскольку субъект всегда сохраняет возможность выбора одного из нескольких нужных примеров согласно своим интересам, целям, задачам. Обычай можно считать таким, что сформировался в социальную норму тогда, когда в силу продолжительности следования конкретному примеру поведения он стаёт поведенческим стереотипом — привычкой людей, поведенческой традицией союза или общества, то есть нормой поведения»⁶⁷. Но ведь если речь идёт и об обычае, то субъект права тоже «всегда сохраняет возможность выбора одного из нескольких нужных примеров согласно своим интересам, целям, задачам». И вряд ли субъекты права впервые воспринимающие содержание обычая (например, в новых для них местности и сообществе) задумываются над тем стал ли конкретный поведенческий пример стереотипом в силу продолжительного следования конкретному примеру или нет, привычка это или нет.

Наверное акцент необходимо сделать на том, что та или иная модель поведения должна быть просто *воспринята* в сознании (точнее — в правосознании) субъекта как *обычное правило поведения* необходимое в том или ином конкретном случае в силу общественного мнения и обеспеченное им же.

Легче всего это сделать конечно при помощи языка. Но нет ничего удивительного в том, что этой цели может быть подчинено и само поведение как выражение вовне обычая⁶⁸.

⁶³ Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: Учебное пособие. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. — С. 86-87.

⁶⁴ Толкачова Н. Е. Звичаєве право: Навчальний посібник. — 2-е вид., перероб. і доп. — К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2006. — С. 77.

⁶⁵ Там же. — С. 75.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ А. И. Яковлев считает, что «... нормы неписанного, обычного права хранятся в народной памяти в форме определённых психологических переживаний, чувства правды и осознания обязанности совершать так, как указывают обычаи, и вовне эти формы проявляются только в соответствующие моменты в форме чина в соответствии с внутренним содержанием обычной нормы» (Яковлів А. І. Звичаєве право // Українська культура: Лекції / За ред. Д. Антоновича. — К., 1993. — С. 230) // Цит. по: Толкачова Н. Е. Звичаєве право: Навчальний посібник. — 2-е вид., перероб. і доп. — К.: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2006. — С. 78.

В таком случае поведение, наряду с языком выполняет роль необходимой знаковой системы. Адресат в конечном итоге должен понять что он воспринял не просто чье-то поведение, а поведение при помощи которого до него доносят желаемую модель деяний в аналогичных случаях с точки зрения обычая⁶⁹.

Повторимся, что это не является поводом для того, чтобы с трудом отделять идеальное (субъективированное) правило поведения от самого поведения (материально выраженного, объективированного). Поэтому мы не можем согласиться с подходом, согласно которому научно-эмоциональные средства сопровождения и обеспечения обычно-правовой нормы охватываются её структурой. С таким же успехом можно было бы включить опубликование нормы права в структуру опубликованной нормы.

Главную роль среди явлений на которых основывается возникновение правоотношения играют также интеллектуальные элементы охватываемые общим понятием мышления. Отметим, что мышление, будучи высшей ступенью познания, как явление интегрированное в механизм возникновения правоотношения и придающее ему динамику — это категория наиболее приближённая к упомянутому выше искомому источнику. Интеллектуальными элементами основания возникновения правоотношения являются:

а) адекватное восприятие обстоятельств объективной действительности, уяснение содержания норм права (структурная часть толкования), а также применение методов синтеза и анализа (в том числе сравнительного);

б) наличие причинно-следственной связи между субъективированными юридическим фактом-причиной и правовым последствием (стереотипной причинно-следственной связи).

При этом, невозможно не констатировать наличие ряда презумпций, задействованных в механизме возникновения правового отношения. Дело в том, что во время появления в правосознании одного субъекта правового последствия в виде субъективного права, в правосознании других или другого субъекта должна возникнуть субъективная обязанность корреспондирующая данному праву.

Конечно это в определённой мере упрощённое, адаптированное описание информационных процессов возникновения конкретного правоотношения, поскольку на самом деле и у носителя субъективного права, и у носителя субъективной обязанности (а в случае абсолютных правоотношений — у неограниченного круга лиц-носителей субъективной обязанности) и даже у лиц вообще не являющихся субъектами данного правоотношения в правосознании синтезируются информация одновременно и о возникшем субъективном праве и о корреспондирующей ему субъективной обязанности. Причем этот множественный процесс происходит единообразно, по подобному в целом алгоритму. Только уполномоченное лицо будет увязывать возникновение права к собственной персоне, а возникновение обязанности — к другим (обязанным) лицам, обязанные лица (лицо) наоборот будут считать, что право возникло у уполномоченного субъекта, а обязанность — у них (него), а лица не являющиеся участниками правоотношения синтезируют информацию о перечисленных уполномоченных и обязанных лицах, а также их правах и обязанностях безотносительно к себе.

Не трудно заметить, что и множественность, и синхронность, и единообразие адекватного восприятия обстоятельств объективной действительности, уяснения содержания норм права и применения методов синтеза и анализа (в том числе сравнительного), а также множественность, синхронность и единообразие синтеза причинно-следственной связи между субъективированными юридическим фактом-причиной и правовым последствием — презюмируемые обстоятельства.

Таким образом, существуют: *презумпция множественности, синхронности и единообразия указанных процессов мышления*. Именно учитывая наличие этих особенностей мышления можно утверждать, что категория возникновения правоотношения предполагает также обязательный контекст *общественного правосознания* наряду с индивидуальным.

Поскольку возникновение правоотношения — это изменения прежде всего в информационной среде, связанные с синтезом нового знания, информации, первичный источник (или источники) которой науке ещё предстоит точно установить⁷⁰, мы не будем

⁶⁹ Следовательно, также как для восприятия нормы закона как таковой необходимо иметь определённое представление о понятии закона, так и для адекватного восприятия обычно-правовой нормы необходимо иметь хотя бы обывательское представление о том, что такое обычай.

⁷⁰ Человеческий мозг является лишь физической, материальной средой объективации любой (в том числе правовой) информации.

в отраслевом правовом исследовании ставить перед собой философскую задачу раскрытия того откуда приходит к человеку синтезируемая информация, ограничившись констатацией видов деятельности — мышления, опосредующего данный источник, а также методов, используемых при этом.

Более прагматичной и выполнимой выглядит задача выделить опорную часть, главное среди явлений, задействованных при возникновении правоотношения.

Подытожив, можно сказать, что *этим явлениями выступают вышеперечисленные обстоятельства юридико-фактического причинного, интеллектуального, нормативно-правового и информационного характера.*

Определённый интерес представляет также соотношение понятий основания возникновения правоотношения и условия его возникновения.

Единого подхода к пониманию понятия условия возникновения, изменения и прекращения правоотношения (включая земельные правоотношения) наука не выработала. Словно в унисон с разными значениями общего понятия условия (как обстоятельства, от которого что-нибудь зависит и как предъявляемого требования⁷¹), одни авторы определяют юридические условия как обстоятельства, имеющие юридическое значение для наступления правовых последствий, но связанные с ними не прямо, а через одно или несколько промежуточных звеньев⁷², а другие — как «общие законодательные требования ко всем юридическим фактам в земельном праве и специальные требования к каждому отдельному юридическому факту ..., а также общие для всех и специальные для конкретных случаев законодательные требования к субъектам и общему объекту (земельному участку) соответствующих земельных правоотношений, «несоблюдение которых, установленное определённым законом способом, делает невозможным⁷³» наступление конкретных правовых последствий.

Стоит прямо сказать, что толковые словари не оправдывают надежд юридически «подкованного» читателя в вопросе прояснения того, что именно в механизме возникновения правовых последствий охватывается «основанием», а что «условием» возникновения правоотношения. Выходит что условия — это любые обстоятельства (т. е. факты) от которых зависит возникновение правоотношения (или требования, предъявляемые к такому возникновению). То есть, исходя из лексикографической литературы, юридические факты — тоже являются юридическими условиями возникновения правоотношений.

Возникает ряд вопросов. Можно ли считать условием для возникновения правоотношения основание его возникновения? Юридический факт (состав) это основание возникновения правоотношения при условии, например, наличия правовых норм, или наоборот — правовая норма — это основание возникновения правоотношения при условии наличия юридического факта (состава)? Может вообще не стоит противопоставлять основание возникновения правоотношений условиям возникновения правоотношений?

С другой стороны, давно подмечено и то, что существуют такие обстоятельства, влияющие на возникновение правоотношения (т.е. условия), которые явно не охватываются основанием его возникновения. Не даром ведь предлагаемый в юридической литературе подход состоит в том, что юридические факты (составы) в определённом смысле противопоставляют, отграничивают от юридических условий⁷⁴. И поскольку по расхожему профессиональному мнению юридические факты (составы) это и есть основания возникновения правоотношений — отграничивают также и основания от условий. Правда,

⁷¹ Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. — М.: Кирилл и Мефодий, 2006 (электронная версия).

⁷² Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве. Учебное пособие. — М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 1998. — С. 28.

⁷³ Елисеєва О. В. Припинення права приватної власності на земельну ділянку за законодавством України: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06. — К., 2006. — С. 3.

⁷⁴ С. Ф. Кечекьян, критикуя позицию О. С. Иоффе, пишет что: «... отождествление юридических фактов со всем комплексом обстоятельств, предусмотренных и предполагаемых гипотезой правовой нормы, неправильно. Право собственности является предпосылкой договора залога, но юридическим фактом, обстоятельством, служащим основанием для возникновения залога, является соглашение сторон об установлении залоговых правоотношений. ...Юридически релевантный фактический состав шире той его части, которая именуется юридическим фактом» (Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 162). В. Б. Исаков полагает что: «Разграничение юридических фактов и юридических условий имеет существенное практическое значение. Правоприменительный орган должен установить все необходимые юридические факты. Что касается юридических условий, то их наличие обычно презюмируется. Иначе правоприменительный орган в каждом случае должен был бы устанавливать бесконечную цепь юридических фактов, прямо и косвенно связанных с данным правовым последствием» (Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература. — 1984. — С. 21).

необходимо отметить, что это не мешает ряду авторов упоминать о юридических фактах как о юридических условиях возникновения правоотношений⁷⁵.

Понятно, что необходима классификация условий возникновения правоотношения, при помощи которой можно было бы с большей ясностью установить соотношение между юридическими условиями, юридическими фактами-причинами возникновения правоотношений, юридическими фактами-условиями не являющимися причинами их возникновения, неюридическими фактами-условиями, основанием возникновения правоотношения.

Не трудно заметить, что в двух приведенных выше примерах определения юридических условий использованы разные плоскости в которых рассматривается общее понятие условия. По нашему мнению и те и другие авторы могут быть правы в случае, если речь идёт о разных видах юридических условий возникновения правоотношения, выделенных по разным критериям.

В первом из примеров говорится о таком критерии как характер связи обстоятельства с правовым последствием. Напомним, если она прямая — перед нами юридический факт, если она косвенная (через одно или несколько промежуточных звеньев) — это юридическое условие. Но, если ничего не менять в существующем подходе, то, допустив существование юридических фактов как юридических условий (например, юридических фактов-правоотношений), мы неизбежно будем вынуждены признать нарушение третьего правила логического деления понятий, согласно которому члены деления должны взаимно исключать друг друга⁷⁶.

По нашему мнению, юридическая наука претендующая на связь с реальностью, должна только в случаях острой необходимости отказываться от общеупотребительных значений тех или иных слов, используемых правом. Поэтому под **юридическим условием возникновения правоотношения** мы будем понимать *прямо или косвенно предусмотренные правом (явные или презюмируемые) обстоятельства от которых зависит возникновение правоотношения*. Поскольку зависимость возникновения правоотношения может быть причинно-следственной (прямой) и не причинно-следственной (косвенной), становится понятно, что *любой юридический факт, как обстоятельство, состоящее в причинно-следственной связи с возникновением правоотношения, является юридическим условием его возникновения*. Так же как и юридические факты, не состоящие в упомянутой причинно-следственной связи (например, наличие правоотношения собственности или пользования земельным участком как необходимое условие для возникновения правоотношения в сфере охраны земель в случае консервации земельного участка). То есть, юридическими условиями возникновения правоотношения являются обстоятельства как охватываемые так и не охватываемые основанием его возникновения.

Из приведённой выше иллюстрации механизма возникновения правового отношения (рис. 3) видно, что правовое последствие *прямо* связано не только с материально-идеальным юридическим фактом, но и с материально-идеальной моделью правового последствия. Это означает, что если руководствоваться предложенным В. Б. Исаковым понятием юридического условия, то модель правового последствия, точно так же как и сам юридический факт, не подпадает под понятие юридического условия. Выходит наличие нормы права, содержащей данную модель, не есть условие возникновения правоотношения. Тогда что это? Основание? Поэтому для всех авторов, поддерживающих такой общепринятый подход к разграничению юридического условия и юридического факта, должно было бы стать очевидным, что модель правового последствия находится в структуре правовой нормы как самостоятельного полноценного элемента **основания** возникновения правоотношения (в том

⁷⁵ С. Ф. Кечекьян в работе «Правоотношения в социалистическом обществе» рассматривает юридические факты в рамках главы «Условия возникновения, изменения и прекращения социалистических правоотношений» и полагает, что: «Юридические факты во всех случаях являются **условием** (выделено нами — С. Г.) осуществления норм права, возникновения, изменения или прекращения правоотношений в соответствии с указаниями, содержащимися в нормах права» (Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 160-185). Р. О. Халфина поддерживает позицию С. Ф. Кечекьяна, согласно которой «**юридическим фактом, обуславливающим** (выделено нами — С. Г.) возникновение, изменение или прекращение правоотношения, является возникновение или прекращение того или иного состояния...» (Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. — М.: Юрид. лит., 1974. — С. 288). Следует подчеркнуть, пишет В. Б. Исаков, что отнесение ряда фактических обстоятельств к юридическим условиям не означает их какой либо дискредитации, не делает из «второстепенными» **юридическими фактами** (выделено нами — С. Г.). В качестве условия автор выделяет также факты-правоотношения, которые далее называет юридическими фактами-правоотношениями (Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература. — 1984. — С. 22, 34-37).

⁷⁶ Ивин А. А. Логика: Учебное пособие. — М.: Знание, 1997. — С. 92.

числе земельного), и что наличие в нормах права логических структур, так или иначе⁷⁷ отображающих модель юридического факта (состава), модель правового последствия, причинно-следственную связь между ними не является (по предложенному В. Б. Исаковым определению) и не может являться условием возникновения правоотношений. Тем не менее, такой вывод не стал традиционным в юридической литературе.

В определённом смысле — к счастью. Потому что речь на самом деле должна идти не о противопоставлении юридических условий юридическим фактам, а о разграничении юридических условий (в том числе юридических фактов) охватываемых и не охватываемых основанием возникновения правоотношения. Именно с целью проведения такого разграничения мы вынуждены будем применить дихотомическое деление⁷⁸ поскольку условий, которые не охватываются основанием возникновения правоотношения, как отмечают, — бесконечная цепь, а глубокий анализ последней не входит в предмет нашего исследования.

Исходя из понимания основания как опорной части, главного на чём зиждется возникновение правоотношения необходимо выбрать более-менее осязаемый критерий этого «главного». Основание деления правовых явлений, описанное В. Б. Исаковым, подходит для этой цели лишь частично так как оно не позволяет учесть важнейшее условие возникновения правоотношения — наличие самой связи между юридическим фактом и правовым последствием (многие авторы не отличают эту связь от связи, существующей между моделью юридического факта и моделью правового последствия). Эту связь (прямую по определению) не стоит упускать из виду, поскольку она не отождествляется ни с юридическим фактом, ни с правовым последствием, но теснейшим образом примыкает к ним. Другими словами, стереотипная причинно-следственная связь, как самостоятельное правовое явление, находится даже «ближе» к правовому последствию чем сам юридический факт-причина возникновения правоотношения. Следовательно, это тоже элемент основания возникновения правоотношения.

Поэтому применённый В. Б. Исаковым критерий, по нашему мнению, необходимо немного усовершенствовать.

Перефразировав существующий подход, можно сказать, что среди всех правовых явлений в качестве охватываемых основанием возникновения правоотношения нас интересуют только те из них (в том числе процессы), которые существуют между выраженным вовне (объективированным) юридическим фактом и правовым последствием. Мы только добавим: «а значит и все явления и процессы равным образом удалённые от этого последствия». Это и будет критерием «главного» для определения круга условий, охватываемых основанием возникновения правоотношения. Этот критерий мы применим к классификации юридических условий, в которой юридические факты-причины возникновения правовых последствий будут занимать своё место как одна из разновидностей юридических условий и будут отграничены от других видов условий (в том числе юридических фактов) не входящих в основание.

Кроме того, если подходить комплексно к классификации условий возникновения правоотношения, то необходимо учесть также и разграничение юридических и неюридических условий. Ведь исследованные в юридической литературе общие социальные и специальные предпосылки образующие «... социальный механизм порождения того или иного правомерного юридического факта»⁷⁹, называемые почему-то юридическими факторами⁸⁰, являются также и социальными неюридическими условиями возникновения правоотношений.

⁷⁷ Т. е. прямо или косвенно, как явное или как презумпцию.

⁷⁸ «Дихотомическое деление опирается на крайний, так сказать, случай варьирования признака, являющегося основанием деления: с одной стороны, выделяются предметы, имеющие этот признак, с другой — не имеющие его» (Ивин А. А. Логика: Учебное пособие. — М.: Знание, 1997. — С. 98).

⁷⁹ Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М.: Юридическая литература, 1984. — С. 18-19.

⁸⁰ Отметим, что теоретические предпосылки введения наряду с понятием юридический факт понятия юридический фактор, предложенные В. Б. Исаковым, вовсе не исключают того, что понятие «юридические факторы» может включать в себя и ряд юридических фактов, так как по определению указанного автора юридические факторы — это социальные факты (экономические условия, деятельность государства, судебная практика и др.), которые оказывают влияние на механизм правообразования, вызывают изменение действующего законодательства, принятие правовых норм. Тем не менее, по нашему мнению, для правового явления, выделенного в литературе под понятием «юридический фактор», название подобрано не совсем удачно. Из приведённого автором определения, справедливость которого мы не ставим под сомнение, видно, что наряду с фактами, имеющими правовую природу, на появление, изменение правовых норм влияют и ряд социальных фактов, которые не являются юридическими (например, экономические условия). Исходя из этого, считаем, что более широкая категория — «социальные факторы», которая таким образом включает в себя юридические факторы как некую часть, является более удачной для обозначения выделенного указанным автором явления. Думается, что фактор (условие) является юридическим исходя из правовой природы явлений составляющих фактор, а не только потому, что этот фактор влияет на правовое явление. Для разграничения социальных юридических факторов (условий) от всех иных более точным был бы термин «социальные неюридические факторы (условия)».

Итак, *по удалённости явлений от правового последствия, которая равнозначна удалённости объективированного юридического факта от него*, можно различать юридические условия формирующие основание, а также условия не охватываемые им. Причём, если следовать правилам дихотомического деления понятий мы должны назвать последний вид условий условиями формирующими «не основание».

Поскольку, в отличие от логики, в юриспруденции не совсем благозвучно, наряду с условиями основания выделять условия «не основания», а также в связи с тем, что в правовой науке не существует отдельного понятия для обозначения огромного массива условий (в том числе юридических фактов, составов) не охватываемого основанием возникновения правоотношения и предшествующих ему, предлагаем, для целей данной работы, юридические условия «не основания» называть условиями преецессии (от лат. *praecessio* — предшествование, предварение) основания возникновения правоотношения.

Таким образом, среди юридических условий возникновения правоотношения по указанному критерию можно различать условия формирующие основание возникновения правоотношения, а также условия формирующие преецессию основания его возникновения (см. рис. 4).

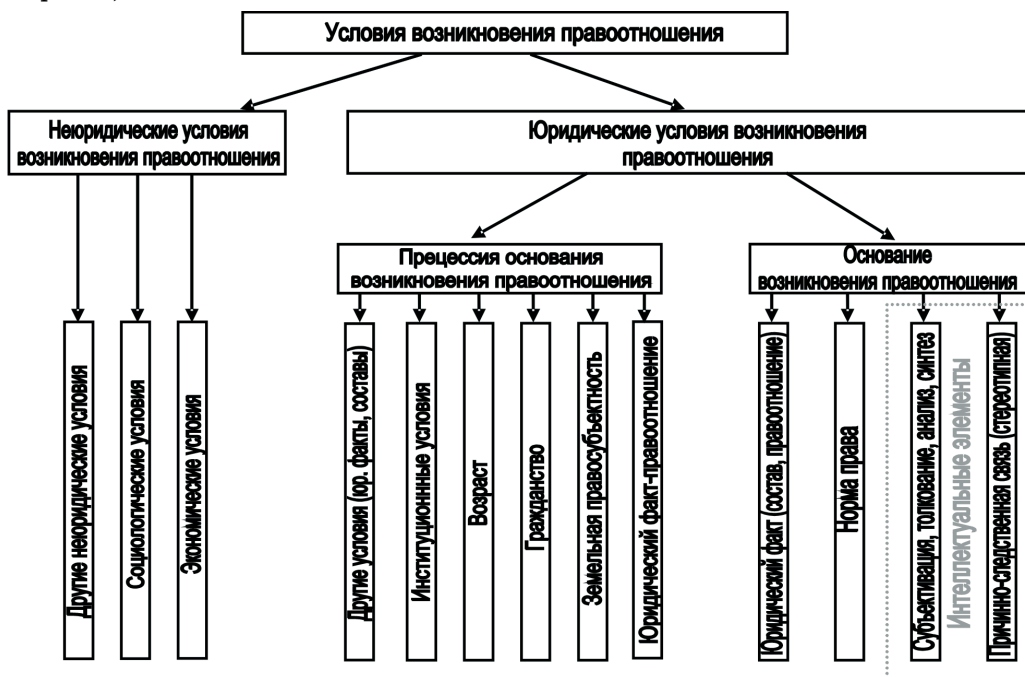

Рис. 4.

Юридическими условиями (юридическими фактами) основания возникновения правоотношения являются:

1. Наличие юридического факта (состава или факта-правоотношения) — причины возникновения правоотношения (т. е. обстоятельство причинного характера).

2. Наличие объективированной нормы (норм) права отображающих модель юридического факта (состава), модель правового последствия и причинно-следственную связь между ними (т. е. матричную связь) (т. е. обстоятельство информационного и нормативно-правового характера).

3. Наличие адекватного восприятия (субъективации) обстоятельств объективной действительности (в том числе уяснения как элемента толкования правовых норм/нормы) и применения методов сравнительного анализа и синтеза (т. е. обстоятельство интеллектуального характера).

4. Наличие причинно-следственной связи (стереотипной) между субъективированными юридическим фактом-причиной и правовым последствием (т. е. обстоятельство интеллектуального характера).

Юридическими условиями (юридическими фактами) прецеденсии основания возникновения правоотношения являются:

1. Юридические факты (составы или факты-правоотношения) не состоящие в причинно-следственной связи с правоотношением возникающим на базе упомянутого выше основания.

2. Правосубъектность (правоспособность и дееспособность), а если речь идёт о земельном правоотношении, то — земельная правосубъектность.

3. Гражданство Украины (или в необходимых случаях иностранное гражданство).

4. Возраст.

5. Институционные условия.

6. Другие условия (юридические факты) аналогичным образом не связанные причинно-следственной связью с данным конкретным правовым последствием.

Характерной особенностью обстоятельств прецеденсии является то, что их связь с правовым последствием в виде возникновения правоотношения вообще не является причинно-следственной, ибо одного наличия даже всех необходимых условий, не охватываемых основанием возникновения правоотношения, будет недостаточно для того чтобы вызвать упомянутое правовое последствие без юридического факта-причины (состава или правоотношения-причины), а также других элементов основания.

Таким образом, как видно из приведённой схемы (см. рис. 4), юридические факты, юридические составы или юридические факты-правоотношения, являясь юридическими условиями возникновения правоотношения, в зависимости от предписаний правовой нормы могут выступать в роли причины возникновения правоотношения (охватываться основанием его возникновения) или же в роли необходимого обстоятельства прецеденсии основания его возникновения.

Если не исключать из понятия юридических условий обстоятельства соответствия различного рода явлений (в том числе условий) тем или иным требованиям (условия условий), то *в зависимости от иерархии (т.е. уровня, занимаемого в структуре юридических условий возникновения правоотношения)* можно различать:

1. Условия предъявляемые к основанию возникновения правовых последствий, а также к прецеденсии этого основания. Т. е. условия полноты основания как целостной системы обязательных элементов (фактического-причинного, нормативно-правового и информационного, интеллектуального) без которых правоотношение возникнуть не может, а также условия полноты элементов прецеденсии основания возникновения правоотношения, требуемых в каждом конкретном случае.

2. Условия предъявляемые к элементам основания возникновения правоотношения и элементам прецеденсии данного основания. Например, требования, предъявляемые юридическому факту как к одной из составляющих основания: объективированность, конкретность, индивидуальность, способность нести информацию о состоянии общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, способность вызывать предусмотренные законом правовые последствия, выраженность в наличии или отсутствии определённых явлений материального мира⁸¹. Наличие модели юридического факта (состава), модели правового последствия и причинно-следственной связи между ними можно воспринимать как требования к норме права. Наличие множественности, синхронности и единообразия указанных выше обстоятельств интеллектуального характера — условие (презюмируемое), предъявляемое к этим элементам⁸².

⁸¹ Исаков В. Б. Юридические факты в российском праве: Учебное пособие. — М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 1998. — С. 3-4.

⁸² Перечень условий-требований, предъявляемых к мышлению можно продолжить. Например, о факторах определяющих особенность толкования как процесса познания подробнее см. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2000. — С. 266-267. В частности, автор подытоживает: «Таким образом, в ходе толкования смысл норм права постигается через знание языка, на котором они сформулированы, знаний о системных связях норм права, знаний об их происхождении и функционировании. ... Толкование, как и любой процесс мышления, подчинено законам и правилам формальной и диалектической логики. ... Субъекты, осуществляющие толкование, имеют неодинаковые умственные способности, уровень профессиональной подготовки объем индивидуального опыта и т. д. Эти свойства могут служить и источником заблуждений, ошибок, одностороннего, неправильного понимания норм права» (Там же).

Исходя из вышеизложенного:

Прецеденция основания возникновения правоотношения — это система не охватываемых основанием возникновения правоотношения обстоятельств (юридических условий) логически необходимых с точки зрения права для появления (начала существования) конкретного правоотношения но не состоящих с ним в причинно-следственной связи.

Основание возникновения правового отношения — это целостная система взаимосвязанных обстоятельств (юридических условий) фактического-причинного, интеллектуального, нормативно-правового и информационного характера, являющаяся источником для появления (начала существования) правоотношения.

Основание возникновения земельного правоотношения — это целостная система взаимосвязанных обстоятельств (юридических условий) фактического-причинного, интеллектуального, нормативно-правового и информационного характера, являющаяся источником для появления (начала существования) земельного правоотношения.

Итак, подводя итог под сказанным выше и констатируя перспективность дальнейших исследований в обозначенной сфере, можно предложить относительно новый взгляд на понятийный аппарат, задействованный в исследовании общей проблематики основания возникновения правоотношения, а также специальной проблематики основания возникновения земельного правоотношения:

Причинно-следственная связь между моделью юридического факта и моделью правового последствия (матричная причинно-следственная связь) — субъективная по возникновению и содержанию, прямая юридическая взаимообусловленность существования явлений в праве (зависимость), при которой модель правового последствия является порождением модели правовой причины (модели юридического факта), возведённая государством или обществом в ранг необходимой правовой закономерности.

Причинно-следственная связь между юридическим фактом и правовым последствием (стереотипная причинно-следственная связь) — эвентуальная синтетическая объективная по содержанию и субъективная по возникновению прямая юридическая взаимообусловленность (зависимость) существования явлений в правосознании, при которой правовое последствие является порождением правовой причины (юридического факта), полностью соответствующая матричной причинно-следственной связи.

Модель юридического факта — это предусмотренное в норме права обстоятельство (факт) объективной действительности, состоящее в матричной причинно-следственной связи с конкретной моделью правового последствия.

Юридический факт — это социальное обстоятельство (социальный факт) объективной действительности, идеальный эквивалент которого полностью соответствует идеальному эквиваленту объективированной модели юридического факта и состоит в стереотипной причинно-следственной связи с конкретным правовым последствием.

Модель правового последствия — это предусмотренное в норме права социальное обстоятельство (факт) объективной действительности, состоящее в матричной причинно-следственной связи с конкретной моделью юридического факта.

Правовое последствие — это социальное обстоятельство (социальный факт), идеальная составляющая которого формируется при помощи стереотипной причинно-следственной связи с конкретным юридическим фактом на основе идеального эквивалента объективированной модели правового последствия и полностью соответствует ему.

Юридические условия возникновения правоотношения — это прямо или косвенно предусмотренные правом (явные или презюмируемые) обстоятельства от которых зависит возникновение правоотношения.

Прецеденция основания возникновения правоотношения — это система не охватываемых основанием возникновения правоотношения обстоятельств (юридических условий) логически необходимых с точки зрения права для появления (начала существования) конкретного правоотношения но не состоящих с ним в причинно-следственной связи.

Основание возникновения правового отношения — это целостная система взаимосвязанных обстоятельств (юридических условий) фактического-причинного, интеллектуального, нормативно-правового и информационного характера, являющаяся источником для появления (начала существования) правоотношения.

Основание возникновения земельного правоотношения — это целостная система взаимосвязанных обстоятельств (юридических условий) фактического-причинного, интеллектуального, нормативно-правового и информационного характера, являющаяся источником для появления (начала существования) земельного правоотношения.